

ВОЛГА-КАМА

Монетка на здоровье
Казанцы поддержали строительство второго здания хосписа

АКЦИЮ «Монетка на счастье» провели на месте строительства второго стационара Казанского хосписа на улице Братьев Батталовых. По инициативе благотворительного фонда имени Анжели Вавиловой здесь собрались депутаты и просто неравнодушные горожане. Все они могли бросить символическую монетку в заливающийся бетон и сделать пожертвование в кубы-накопители. В здании разместится взрослое отделение на 60 койко-мест.

Как врач к пленным летал

Спустя 24 года казанский профессор Дмитрий Красильников рассказал о командировке в Кандагар к захваченным летчикам

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Ольга Кондрева, Казань

25 лет назад самолет казанской авиакомпании «Аэростан» с грузом оружия для правительственных войск, летевший в столицу Афганистана, перехватили истребители движения «Талибан». Случилось это третьего августа 1995 года. На подлете к Кандагару Ил-76 вынудили к посадке.

Экипаж из семи человек во главе с командиром Владимиром Шарпатовым провёл в плену у талибов 378 дней. И лишь 16 августа 1996 года пилотам удалось совершить героический побег.

В начале июня 1996-го по поручению правительства Татарстана в Кандагар для оказания медицинской помощи пленным летчикам вылетели казанские врачи. О том, как это было, рассказывает заведующий кафедрой хирургических болезней КГМУ, руководитель хирургической службы РКБ, председатель Общества хирургов РТ профессор Дмитрий Красильников.

Дмитрий Михайлович, как вы узнали, что вам предстоит поездка в Кандагар?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: В то время я заведовал кафедрой хирургии №1 Казанского мединститута и по совместительству руко-

Дмитрий Красильников: Если кому-то требуется помощь, надо действовать.

Руководство республики предпринимало активные действия по освобождению пленных

водил Центром лазерной хирургии РКБ. И, конечно, знал о том, что 3 августа 1995 года наш самолет, перевозивший оружие в Кабул, был посажен талибами в Кандагаре. В дальнейшем внимательно следил за развитием ситуации и переживал за судьбу летчиков, попавших в плен.

В начале июня 1996 года меня вместе с врачом Республиканской стоматологической поликлиники Назипом Накиповичем Латфуллиным по предложению Минздрава РТ было решено командировать в Афганистан для оказания медицинской помощи членам экипажа. Руководство республики предпринимало активные действия по освобождению пленных и, беспокоясь об их здоровье, откликнулось на просьбу летчиков прислать врачей непосредственно из Татарстана. По натуре я человек горячий, и если Родина сказала: надо... В общем, согласился сразу.

Не удивило, что выбор пал именно на вас?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: Вероятно, основаньем здесь было то, что мы представляли республиканскую службу здравоохранения. Всю жизнь занимаюсь вопросами хирургии, много работал в районах, где приходилось решать проблемы по спасению пациентов не только хирургического профиля. Если кому-то требуется помощь, надо действовать. Хотя многие говорили: «Не стоит ездить — убьют!» Назип Накипович Латфуллин уже тогда был известным стоматологом.

Начал готовиться к отлету. По договоренности с талибами нам разрешалось привезти 150 килограммов медикаментов. После встречи с госсоветником при президенте РТ по международным вопросам Тимуром Акуловым, который душой болел за освобождение летчиков, собрал в два ящика все необходимое. Туда же положил вкусности — печенье, кексы и другие сладости. На всякий случай упаковал и две бутылочки спирта — всего 450 граммов. Пригодились. В первый день в Кандагаре, после того как закончили работать, вечером с летчиками отметили встречу.

Как вас принял Кандагар?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: Летели мы туда из Объединенных Арабских Эмиратов. Помню, подлетели к Кандагару: разбитый аэродром, в углу которого сиротливо стоит наш захваченный талибами Ил-76. Из аэропорта нас в сопровождении двух вооруженных талибов повезли в город. И надо ж такому случиться, что километров через пять у джипа спустило колесо. Остановились. Вокруг серые унылые горы, почти лунный пейзаж, пустынно.

И вдруг как из-под земли появились грязные, в оборванной одежде люди. Дети просили туалетную бумагу и воду. Они разглядывали нас, точно каких-то обезьян. Мы все это время, прислушавшись к Тимур Акулову, сидели в машине и почти не поднимали глаз. В полуразобомбленном городе картина оказалась не лучшей. Особенно впечатлил нас так называемый столб позора, на котором были подвешены книги, шахматы, приемники и другие запрещенные предметы. Если их у кого-нибудь обнаружат — казнят.

Как вас приняли летчики?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: Очень обрадовались, обнялись. Договорились, как будем рабо-

тать. Я же в течение двух дней осматривал пленных, как говорится, с головы до ног. На медосмотр каждого уходил минимум час, если пилот был практически здоров. Троих летчиков осматривал по 2,5 часа.

А с командиром Владимиром Шарпатовым мы плотно общались все два дня. Не только о здоровье. Поначалу пленным приходилось особенно тяжело: плохие условия и полная неопределенность. То ли казнят, то ли продадут. Какое-то время они находились порознь.

К тому моменту, когда мы прибыли в Кандагар, летчики были вместе. Каких-то тяжелых заболеваний у них я не обнаружил, но психоэмоциональное состояние пленных было сложным. Наш приезд поднял им настроение, мы привезли им не только медикаменты, выдаваемые мною каждому по результатам осмотра, но и приветы и добрые слова от родственников, с которыми я общался перед отлетом в Кандагар. Рассказали, что над их освобождением работают. Это придало им сил.

➔ ПУТЬ В РОССИЮ

С возвращением домой проблем не возникло?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: Мы простились с летчиками, и нас доставили в аэропорт, где сразу началось что-то непонятное. Позже нам сказали, что на Шуре (духовном собрании талибов), проходящем в те дни в Кандагаре, было принято решение, что все приезжающие в Афганистан должны иметь въездную визу. А у нас не то что визы, документов с собой не было. Начальник охраны не пропускал нас к самолету, советовал вернуться обратно в Кандагар. Было ясно, что это провокация и до города живыми мы не доедем. Только вечером по приказу из духовного управления нас допустили в самолет. Ночью после промежуточных посадок в Джелалабаде и дозаправки в Захедане, а это уже Иран, прилетели в Арабские Эмираты, откуда нас ждал путь в Россию. И когда в Шардже мы сошли с трапа, я встал на колени и поцеловал взлетную полосу...

В Кандагаре вы практически все время находились под прицелом...

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: К поездке в Афганистан я отнесся спокойно. Не думалось, что какая-то опасность может подстергать. Это потом уже понял, когда в первый день нашего пребывания на меня набросился начальник охраны. После ужина мы вместе с летчиками устроили чаепитие. Он пришел и при нас начал оскорблять подчиненного, два раза его ударил. Я не выдержал: «Как не стыдно?» Сказал, что я тоже руководитель, но так себя с подчиненными не веду, что людей надо уважать, добрые дела делать. Ему перевели. Начальнику охраны моя проповедь не понравилась. Он выхватил пистолет и направил его ко мне. Его тут же схватили, а меня летчики спрятали в одной из своих комнат, сняли с меня нательный крест, который он заметил. Там, если ты не мусульманин, то душман — враг.

Второй инцидент произошел под конец поездки. В аэропорту Кандагара нас более четырех часов не пропускали к самолету, на котором мы должны были вернуться в Эмираты. Меня разместили на циновке у арыка, рядом на кровати под армейским одеялом лежал талиб. Очень крупный мужчина. Начальник караула сказал, что он болен, и попросил меня его осмотреть, помочь, что я и сделал.

Судя по всему, мужчина страдал язвенной болезнью 12-перстной кишки. Я объяснил, что ему надо менять режим питания, отказаться от жирной и острой пищи, принимать медикаменты. По просьбе старшего охранника дал талибу лекарства. Он их еще пить не хотел, боялся, что отравят. После того как принял, ему стало хорошо. Полежал немного, встал — и ко мне. Автомат навел. К моему счастью, начальник охраны быстро среагировал. Талиба оттащили. Вот тогда я все понял и про их нравы, и про опасность, которая меня подстерегала.

С местными жителями приходилось общаться?

ДМИТРИЙ КРАСИЛЬНИКОВ: Простые люди к нам относились с большим уважением. Сбегались посмотреть на «шурави-табиб», что означало «русский доктор». Некоторые взбирались на забор и крышу построек, где содержались летчики. Одному из них меня попросил помочь наш охранник Абдуразака, который хорошо знал русский язык.

Мужчина завернул в справку, полученную от местного врача, камушек, и кинул его мне. С помощью Абдуразака я изучал документ, дополнительно опрашивал больного, а потом таким же образом перебрасывал лекарства, которые необходимы были при данной болезни. В общей сложности около пяти пакетов с медикаментами переправили людям, взбравшимся на забор и крышу.